

Э. Кайзер

[Рец.] Anthony D. W. The Horse, the Wheel and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World.

Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007.

ISBN 13: 978-0-691-05887-0

Сразу же, на первых страницах своей книги, Д. В. Энтони обещает, что собирается разгадать великую загадку индоевропейского языка: когда, где и кто на нем говорил (с. 5). Уже название и подзаголовок его монографии раскрывают регион, который будет находиться в центре изысканий автора — евразийские степи. Основные инновации в этом регионе были связаны с приручением лошади с последующим ее использованием для верховой езды, а также с изобретением первоначально сплошного колеса с его дальнейшим развитием в колесо со спицами, что завершилось появлением легкой боевой колесницы. Использование верхового коня и повозки в совокупности со сложной социальной структурой носителей протоиндоевропейского языка выстроили такую — как ее называет Энтони — действенную модель, которая способствовала широкому распространению этого языка.

Эти факторы образуют три краеугольных камня широко задуманных культурно-исторических реконструкций. «Язык и археология» является, соответственно, первой из шести глав в разделе, где приводятся основы этих реконструкций. Вначале излагается краткая история исследований индоевропейского языка и рассматриваются попытки связать его с определенным преисторическим этносом. Автор, прежде всего, останавливается на ошибочных построениях, на которых основывались определенные шовинистические и националистические идеологии и от которых он отчетливо дистанцируется. Другую

проблему представляют значительные ошибки в области междисциплинарных разработок. Лишь Дж. Мэллори получил фундаментальное образование в двух областях — археологии и лингвистике (Mallory 1989). Сам автор вынужден признать, что по образованию он является «только» археологом (с. 22). Наряду с этим, лишь апеллируя к соответствующему широко образованному поколению исследователей, Д. Энтони полемизирует с господствующим в западном академическом мире мнением, согласно которому существование индоевропейского праязыка в принципе подвергается сомнению. В действительности же существует гораздо меньше сомнений относительно реконструкции такого праязыка, как Энтони пытается показать. Напротив, скорее обсуждается вероятность, в какой степени реконструируемый словарь можно привести в соответствие с археологическими реалиями и затем выполнить последующие конструктивные интерпретации. К этим вопросам Д. Энтони переходит в следующих главах.

Автор рецензии сама является археологом и чувствует себя не вправе квалифицированно оценивать содержащиеся во второй главе рассуждения относительно возможности реконструировать мертвый язык. И все же нельзя отделаться от впечатления, что приводятся только самые общие примеры, прежде всего, с целью убедить совершенно неискушенного человека, далекого от лингвистики, в достоверности языково-исторических исследований мертвых языков.

Для определения древнейшего периода, в рамках которого мог появиться индоевропейский праязык, приводятся первые археологические свидетельства об обработке овечьей шерсти и производстве колесного транспорта. Не является новой идея, что, согласно археологическим данным, активное распространение древнейших повозок с массивными сплошными колесами начинается с 3500 г. до н.э. (с. 74). Исчезновение праязыка происходит вместе с его распадом на отдельные языковые ветви, что при отсутствии письменных источников по времени определяется только весьма приблизительно. На основе многочисленных обращений к различным дочерним языкам Энтони устанавливает дату ок. 2500 г. до н.э., когда праязык выходит из употребления (с. 58). Исходя из этого, фиксируется следующий хронологический каркас: ранний протоиндоевропейский язык должен войти в употребление между 4000 и 3500 г. до н.э., приблизительно перед 2500 г. до н.э. произошло постепенное разделение на диалекты, которое вскоре после этого привело бы к окончательному отказу от общего праязыка. Архаическая ступень помещается еще в период до 4000 г. н.э., при этом опять следует указание на протоанатолийский язык; к периоду между 3500—3000 г. до н.э. еще относится поздний протоиндоевропейский язык.

После того как повозка со сплошными колесами была выдвинута в качестве одного из главных аргументов для локализации индоевропейского праязыка, Д. Энтони обращается к поискам подходящего пространства, где археологическое наследие древней материальной культуры соответствует реконструируемому словарю. Эти важнейшие аспекты включают земледелие, разведение крупного и мелкого рогатого скота, использование повозок, шерстоткачество, жертвоприношение указанных животных и лошади в ожидании, что боги равноценно воздадут за этот дар, а также управляемое вождями стратифицированное общество и законы гостеприимства (с. 98 и сл.). Все эти явления Д. Энтони обнаруживает исключительно в понто-каспийском пространстве между 4000 и 3000 г. до н.э. и к этому периоду, соответственно, добавляет еще по 500 лет для фазы формирования и фазы распада. Однако с аналогичными аргументами точно так же могли бы рассматриваться в качестве претендентов Карпатский бассейн или же Центральная Европа, поскольку здесь в это же время обнаруживаются, по меньшей мере, такие же свидетельства, что вошли в данный перечень признаков. Следует так-

же отметить, что в археологическом контексте засвидетельствованы лишь указанные материальные доказательства, в отличие от таких идеологических ценностей, как, например, гостеприимство.

В последней главе первого раздела рассматриваются культурные и языковые границы, а также миграционная модель для преистории, выдвинутая Д. Энтони ранее (Anthony 1990). В этом месте автор прибегает, а позднее еще чаще, к этнологическим параллелям. В этом случае привлекаются события в Уганде XIX века с тем, чтобы создать почву для его позднее повторенного тезиса о том, что языковые изменения должны происходить не только за счет притока больших групп населения. Индоевропейский праязык также должен был быть внедрен в понто-каспийском пространстве при захвате господствующего положения вождями, говорящими на протоиндоевропейском языке (с. 117 и сл.). После этих, часто очень претенциозных, разъяснений с фразой «С ясной идеей, как взаимосвязаны язык и материальная культура...»¹ Д. Энтони переходит ко второму разделу, который озаглавлен «Открытие евразийских степей». Здравомыслящая, читатель до сих пор получил вполне ясное представление, каким образом Д. Энтони желает соединить лингвистические и археологические знания, чтобы обосновать свои идеи. Вместе с тем, какой-либо критический разбор всех или, по крайней мере, большей части обсуждаемых аспектов не проводится.

Во втором разделе книги представлены культурно-исторические процессы от перехода от мезолита к неолиту и вплоть до позднего бронзового века (II тыс. до н.э.). Прежде всего, приводятся данные из источников по древней истории. Их подборка должна в полной мере продемонстрировать, что автор в значительной степени опирается на естественнонаучную информацию, такую, как археозоологические и палеоботанические исследования, а также абсолютное датирование, что предполагает применение объективных методов, а не только субъективно выстроенной типологической классификации керамики. В последующих частях, в равной степени, нередко рассматриваются мифологические сюжеты реконструируемого индоевропейского праязыка, которые археологически вряд ли, если вообще, документируются.

¹ "With a clearer idea of how language and material culture are connected..."

Рамки рецензии не позволяют подвергнуть подробному критическому разбору весь второй раздел. В силу этого автор рецензии намерен ограничить себя рассмотрением областей, в которых Д. Энтони занят изучением двух краеугольных камней своей реконструкции — лошадей и повозок. Он начинает с лошади, которая, по его мнению, была приручена и одомашнена приблизительно к 4200 гг. до н.э., хотя при этом его предыдущие рассуждения о корреляции между языково-историческими и археологическими фактами не играют никакой роли. Значительную пользу лошадь принесла лишь тогда, когда стала использоваться под верх, поскольку Д. Энтони исходит из до сих пор недоказанной гипотезы, что степные обитатели уже в конце V тыс. до н.э. практиковали систему жизнеобеспечения, основанную на специализированном скотоводстве. С использованием верховой лошади стали возможны перемещения на более далекие расстояния, поскольку контролировать стадо всаднику было легче, чем пешему пастуху. С какого момента лошадь могла считаться одомашненной, Д. Энтони поясняет в десятой главе, которая может рассматриваться как центральное место всей книги. Уже на протяжении долгого времени ведутся дебаты относительно доказуемости существования домашней лошади на основе размеров и возраста смерти особей (см., например: Венеске 2002), с недавнего времени, в том числе, и с помощью палеогенетических методов. Поскольку одомашнивание лошади не обязательно означает, что она использовалась под верх, Д. Энтони вместе со своей супругой Д. Браун изучил следы износа на моляре P2, которые появляются при долгом употреблении псалий из органических материалов. Все же этот метод не является бесспорным, что автор сам признает в данном разделе в ходе очередной дискуссии по поводу ранее высказанных в его адрес критических замечаний.

В настоящее время большинство признаков свидетельствуют (это также подтверждают исследования Д. Энтони и Д. Браун, с. 220), что древнейший центр доместикации находится на северо-казахстанском поселении Ботай, где кости лошади составляют более 90% зоологических остатков (Outram et al. 2009). При этом довольно сомнительно, что в 3500 гг. до н.э. лошадь была здесь уже приручена и кобылы доились, не говоря уже о том, что они использовались для верховой езды.

Однако Северный Казахстан медного века не входит в конструкцию Д. Энтони, поэ-

тому он обращается к местности, для которой якобы имеется больше свидетельств. Это описывается следующим образом (с. 221, 237): «Но обитатели западных районов степи начали практиковать верховую езду как будто только около 4300–4000 гг. до н.э.»². Сразу же возникает вопрос, можно ли распознать характерные черты всадника в археологическом контексте. В качестве признаков Д. Энтони перечисляет, в частности, распространенные на огромном расстоянии элементы определенной структуры, которые, например, обнаруживаются в горизонте охровых погребений типа Суворово-Новоданиловка. К этому типу погребений в дальнейшем мы еще вернемся. В качестве другого результата распространения верховой езды указывается возрастание числа конфликтов между племенами вследствие соперничества между молодыми воинственными всадниками.

Откуда Д. Энтони берет эти сведения? Среди прочего он использует заимствования из истории языка, поскольку и в протогреческом, и в протоиндоиранском языке «вечная слава» (“*imperishable fame*”) должно пониматься как поэтическое выражение. Если это так, тогда остается под вопросом, каким образом незначительные племенные стычки между молодежью, страдающей избытком тестостерона, могли запечатлеться в такой жанровой форме. Наряду с этим, Д. Энтони попадает в сложную ситуацию в связи с необходимостью изменить трактовки, касающиеся конфликтов между отдельными группами населения или же представителями археологических культурных групп, поскольку он явно старается дистанцироваться от устаревшей концепции М. Гимбутас. В силу этого социальные отношения между степными обитателями и земледельческим населением характеризовались минимизацией конфликтов и установлением обменных отношений (с. 237), хотя конфронтация между верховыми пастухами и оседлым населением вела к взаимозависимости, при которой представители последнего попадали под опеку первых. Такие утверждения выдвигаются без того, чтобы предпринять попытку хоть как-то подтвердить эти реконструкции археологически, если это вообще возможно.

Вместе с тем, в археологических исследованиях до сих пор остается загадкой ис-

² “But western steppe people began to *act* like they were riding only about 4300—4000 BCE...” (курсив автора).

чезновение так называемой культуры теллей, точнее, культурного комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI. На протяжении значительной части неолита на Балканах жизнь столетиями протекала на многочисленных жилых холмах, постоянно застраиваемых и перестраиваемых. В 4100/4000 гг. до н.э. поселения на теллях внезапно были покинуты и никогда более в эпоху энеолита не восстанавливались. Это событие первоначально было интерпретировано М. Гимбутас как свидетельство самой ранней инвазии степных кочевников на Балканы. Впоследствии данная трактовка подверглась существенной критике, и были выдвинуты новые умеренные и, прежде всего, более обоснованные положения (ср., например: Lichardus, Lichardus-Itten 1998; Parzinger 1998). Д. Энтони также ссылается на ряд различных причин, вызвавших запустение поселений на теллях, однако, по крайней мере, частично, по его мнению, в этом были повинны и конные пастухи. Воинственные юноши, носители традиций культурного комплекса Суворово-Новоданиловка, периодически совершали набеги, которые приводили к уничтожению урожая и вселяли страх в земледельцев, тем самым способствуя разрушению общества, уже и так ослабленного другими событиями (с. 228, 237).

Под культурным комплексом Суворово-Новоданиловка понимаются погребения, которые представляют собой особое культурное явление в степях Северного Причерноморья. Б. Говедарица в своей книге смог собрать 82 таких комплекса, которые также обозначаются как «охровые погребения» (Govedarica 2004). Ю. Я. Рассмакин рассматривает их как древнейшие степные комплексы так называемого степного энеолита (Rassamakin 2004). Они выделяются по определенным инновациям в погребальном обряде, которые проявляются в сооружении отдельных небольших курганов или каменных закладов над могилами. Погребальный инвентарь часто является весьма оригинальным и многочисленным, а также сопоставим между собой в разных захоронениях. Первоначально их появление объяснялось как результат миграций, направленных с востока на запад. Б. Говедарица недавно предложил трактовать их в рамках интенсивного влияния карпато-балканских культур, что также сопровождалось внедрением тамошней социокультурной системы в общество степных территорий (Govedarica 2004: 361). Ю. Я. Рассмакин также рассматривает появление данных комплексов как результат мирного приобщения степного общества,

которое хоронило своих усопших с престижными вещами, но по местному обряду, к обменной системе Карпато-Балканского региона (Rassamakin 1999: 100 ff., fig. 3: 42). Возможно, что находки, имеющие решающее значение для какой-либо дискуссии, еще недостаточно многочисленны. Процитированные выше, так же, как и многие другие не упомянутые работы, со всей очевидностью показывают, что существует много указаний на взаимодействие между земледельческими культурами и подвижными степными группами, и это взаимодействие, пожалуй, зачастую носило мирный характер.

Как уже было сказано, Д. Энтони прибегает также к предполагаемым этнографическим и историческим параллелям, чтобы объяснить характер и структуру своей реконструкции в ходе преисторических процессов. Так, он привлекает один показательный пример из истории Уганды XIX века, чтобы правдоподобно проиллюстрировать определенные языковые изменения, которым некогда подверглась Восточная и Юго-Восточная Европа, хотя абсолютные даты указывают на довольно краткий период воздействия носителей традиций типа Суворово-Новоданиловка (с. 259 и сл.). Следуя этим пояснениям, ставшие бездомными обитатели теллей в Юго-Восточной Европе переместились в Северо-Западное Причерноморье, где отдали себя под покровительство конных пастухов, которые, между тем, захватили здесь властные позиции. Пастухи разговаривали на индоевропейском праязыке и передали пришельцам свою социальную и ритуальную систему. Ю. Я. Рассмакин пишет фактически о некоем хиатусе между 4100 и 3900/3800 гг. до н.э., для которого, по крайней мере, в степной зоне, не известны какие-либо абсолютно датированные комплексы (Rassamakin 1999: 127—129; 2004: 182). Согласно Б. Говедарице, практика так называемых охровых погребений завершается еще до 4000 гг. до н.э. Языковые изменения и активное присутствие носителей традиций типа Суворово-Новоданиловка, таким образом, должны бы проследиваться в то время, для которого в Северо-Западном Причерноморье известно лишь ограниченное число находок. Эта проблематика для Д. Энтони, разумеется, не слишком важна, поскольку он исходит из других культурно-хронологических представлений и период предполагаемого хиатуса перекрывает среднестоговской культурой.

Могильники и поселения среднестоговской культуры локализируются в бассейне

Нижнего Днепра (Телегин 1985: 204, карта 6: IV). Д.Я. Телегин собрал все ранее известные памятники и разработал их периодизацию, на которую Д. Энтони ссылается, поскольку она воспроизводится на основе ансамбля находок, стратиграфии и дат С¹⁴. Д. Энтони не признает классификацию всех погребений так называемого позднего энеолита, разработанную Ю.Я. Рассамакиным (Rassamakin 1999; 2004), поскольку она якобы строится на чисто типолого-стилистических аргументах. Несмотря на это, как видно из новых работ Рассамакина, он не ограничивается типологическим аспектом, а анализирует широкий круг элементов погребального обряда. Таким же образом он не только разделяет среднестоговскую культуру на четыре группы, как ошибочно представляется автором книги, а классифицирует и характеризует структуру всей совокупности энеолитических погребений Северного Причерноморья.

Однако в этой дискуссии решающим является, прежде всего, сопоставление охровых погребений типа Суворово-Новоданиловка и среднестоговской культуры. Фактически, так называемые памятники новоданиловского типа впервые были отделены от среднестоговской культуры Д.Я. Телегиным (1985: 31 и сл.). В своих рассуждениях Д. Энтони здесь проявляет скорее неопределенность, ссылаясь, среди всего прочего, на сходный в обеих группах погребальный обряд в виде размещения усопших в скорченном положении на спине с ногами, согнутыми коленями вверх. Между Дунаем и Волгой известно свыше 600 погребений, которые обладают этим признаком, в то же время, отличаясь по другим показателям (Rassamakin 2004: 17 ff. Abb. 5—8). Но погребальный обряд, несмотря на попытки Д. Энтони убедить нас в обратном, в охровых захоронениях с престижным инвентарем также не был единообразен, что автор в одном месте также признает (с. 252).

Явно предполагая, что верховая езда для носителей среднестоговской культуры была повседневной практикой, Д. Энтони, тем не менее, никак не может это документировать. Разумеется, если среднестоговская культура отпадает как некая константа в энеолите степной зоны Северного Причерноморья, тогда у автора книги теряются основания для непрерывного культурного и языкового развития, которое должно начинаться около 4200 гг. до н.э. и которое якобы археологически демонстрируется на основании присутствия domesticiрованных и используемых для верховой езды лошадей. Вне всякого со-

мнения, практика так называемых охровых погребений (тип Суворово-Новоданиловка, по Д. Энтони) завершается, самое позднее, на рубеже V и IV тыс. до н.э. Хотя внедренная в рамках данного типа поза погребенных продолжает и дальше практиковаться в степном погребальном обряде, все же этого явно недостаточно, чтобы связывать с ней определенный язык и, как это чувствуется в рассуждениях Д. Энтони, определенный этнос.

Второй археологически подтверждаемый краугольный камень для реконструкции не только языковых, но и исторических процессов в восточноевропейской степной зоне составляют повозки. Это становится очевидным буквально с первого предложения в главе 13: «Вид повозок, поскрипывающих и раскачивающихся в степях среди стад шерстистых овец, изменился от таинственно завораживающего видения до обычной прозы степной жизни между 3300 и 3100 гг. до н.э.»³. Как ни странно, Д. Энтони мало интересуется центр возникновения древнейших повозок с массивными колесами (с. 311 и сл.). Однако он рассматривает носителей ямной культуры как полностью мобильное пастушеское общество, которое посредством внедрения повозок для транспортировки бытовых вещей и снаряжения и при помощи верхового коня развили в степях новую форму хозяйствования (с. 302). В то же время, они являлись носителями поздних диалектов индоевропейского праязыка (с. 306).

Как и ранее при обхождении с тематическим комплексом «лошадь», здесь Д. Энтони при языково-исторических реконструкциях также смешивает факты, которые в настоящее время могут считаться среди археологов *opinio communis*, с тенденциями, которые происходят из преисторических комплексов, однако по-разному могут интерпретироваться, а также со свидетельствами, происходящими из ненадежных или сомнительно объясняемых источников. Последнее относится к реконструкции отношений хозяин-гость, которые позволяли регулировать социальные потребности общества с повышенной мобильностью. Эти отношения оформлялись и укреплялись посредством клятв и жертвоприношений, что, видимо, подкрепляется ссылкой на воинский эпос Гомера тысячелетиями позднее.

³ “The sight of wagons creaking and swaying across the grasslands amid herds of woolly sheep changed from a weirdly fascinating vision to a normal part of steppe life between about 3300 and 3100 BCE.”

К надежным фактам относится то, что с ямной культурой по всей степной зоне между Южным Уралом и Нижним Дунаем распространяются курганные могильные памятники, довольно однородные по конструкции и погребальному обряду. Эти сравнительно единообразные погребальные комплексы, которые обнаруживают лишь некоторые региональные различия, резко выделяются на фоне ранее упомянутых очень разнородных погребений эпохи энеолита. Древнейший центр должен был находиться между Доном и Волгой, как это уже постулировал в свое время Н. Я. Мерперт (1974). То, что причины для непрерывного распространения как на запад, так и на восток заключались в политике формирования альянсов в рамках мобильного ямного общества, как здесь представлено, никак археологически не подтверждается.

Фактически, идеи Д. Энтони мало вызывали бы разногласия среди специалистов, которые занимаются изучением ямной культуры, если судить по его следующим высказываниям (с. 322): «Если кочевое скотоводство является экономическим термином, относящимся не к политической организации и военным союзам, а просто к пастушескому хозяйству, базирующемуся на высокой мобильности, тогда оно появилось во время ямного горизонта»⁴. Все же необходимо сразу отметить, что доказать наличие подвижного скотоводства существенно на археологических источниках до сих пор остается невозможным. Вероятно, новые естественнонаучные методы, как, например, анализ изотопов $Si^{87/86}$, в будущем могут дать положительные результаты (Gerling и.а. 2010). Ссылка на отсутствие в степях Северного Причерноморья поселений является недостаточным аргументом, поскольку в зоне черноземов существуют плохие условия для сохранности мест поселений. Помимо того, спасательные раскопки в советское время в условиях интенсификации использования ландшафта в основном концентрировались на курганах, тогда как при поверхностных обследованиях уже в постсоветское время обнаруживаются поселения, которые датируются III тыс. до н.э. (см., например: Санжаров 2004). Приводимое Д. Энтони (с. 324, Tab. 13: 2) процентное соотношение видов животных является не совсем обоснованным, по-

скольку сопоставляются находки из погребений и поселений. При этом кости животных в первом случае представляют собой результат целенаправленного отбора для нужд погребального ритуала, тогда как во втором случае речь идет о бытовых отходах, что вряд ли сравнимо. К тому же, поселения относятся к разным периодам. Тем не менее, в Северном Причерноморье поселения ямной культуры редки, а в Северо-Западном Прикаспии они отсутствуют вовсе (Шишлина 2007: 311).

В более чем 250 погребениях ямной культуры находились повозки или их части, из чего Энтони делает заключение об их использовании как транспортного средства для посещения дальних пастбищ. Возможно, эта картина навеяна повозками прерий, которые эксплуатировались при освоении североамериканского Запада в XIX в. Мы знаем довольно мало об использовании ранних колесных экипажей в степной зоне. Правда, существуют реконструкции тяжелых повозок с кузовом, который предполагает наличие дополнительной конструкции из легкого органического материала (Гей 2000: 185, рис. 55). Вместе с тем, другие авторы раскопок иллюстрируют другие, более простые, формы повозок (Limberis, Marčenko 2002); во многих погребениях открыты отдельные части повозок, символизирующие целый объект, которые не позволяют судить об определенном типе экипажа. Вполне вероятно, что одновременно использовались различные типы повозок. В отдельных регионах число повозок или их частей колеблется весьма значительно (Избицер 1993). Предположительно, решение об их депонировании в каждом случае определялось доминирующим погребальным ритуалом, вследствие чего в районе Кубани известно более 120 таких погребений (Гей 2000: 177).

Д. Энтони делает различие между восточным койне ямной культуры в волго-уральском и северокавказском пространстве с ярко выраженным подвижным образом жизни и западным, расположенным между Южным Бугом и Нижним Доном (с. 304). Различия в их образе жизни соответствуют отличительным свойствам восточной и западной языковых ветвей индоевропейского праязыка. С момента публикации монографии Н. Я. Мерперта не было издано ни одной работы, которая охватывала бы весь ареал ямной культуры. Уже Мерперт (1974: 15) выделил в пределах этого ареала девять региональных групп, которые сегодня, по видимому, должны бы рассматриваться еще более дифференцированно вследствие значи-

⁴ "If nomadic pastoralism is an economic term, referring not to political organization and military confederacies but simply to a form of pastoral economy dependent on high residential mobility, it appeared during the Yamnaya horizon".

тельного увеличения числа открытых погребальных комплексов. Большим упрощением археологических реалий является разделение ямной культуры лишь на два региональных варианта. Помимо того, требуется более четкое соотнесение региональных вариантов с устанавливаемой языковой дифференциацией, чем то, как это описывает Д. Энтони. Ссылка на отсутствие отпечатков зерен культурных злаков на стенках обожженных сосудов к востоку от Дона также не может служить аргументом, поскольку на предмет таких отпечатков была, прежде всего, изучена керамика с поселений. К тому же, способ промывки грунта для получения палеоботанических образцов, как это, собственно, необходимо, используется только в последнее время (Семух у. а. 1998). И напротив, керамика из погребений была проанализирована этим методом очень редко, и здесь каждый раз также отсутствуют ссылки на литературу, которые позволили бы согласиться с выводами автора.

Можно было бы долго продолжать в том же духе, выявляя спорные интерпретации, противоречия и т.п. Так, в Западном Причерноморье и на Венгерской равнине, а также в районе Железных ворот были исследованы курганы, в которых открыты погребения ямной культуры. Однако имеются лишь отдельные радиоуглеродные даты, к тому же, с большим разбросом, поэтому предполагаемая миграция из степного региона в XXXI веке до н.э. (с. 305), на которую указывает Д. Энтони, вряд ли возможна. Хотя в Карпато-Балканском регионе известны тысячи курганов, однако до сих пор фактически была раскопана лишь незначительная их часть. В них могут содержаться как более древние, так и более поздние погребения, не имеющие отношения к ямной культуре. Вследствие этого, приблизительно оценить количество групп населения, мигрировавших из степи в III тыс. до н.э., вряд ли возможно. К тому же, дальние миграции в течение начального этапа развития ямной культуры вплоть до Южной Сибири, как их описывает Д. Энтони, которые должны были привести к формированию афанасьевской культуры, относятся к области фантазии. По крайней мере, археологически это никак не доказано.

В заключение Д. Энтони еще раз объединяет свои ключевые свидетельства, собираясь провозгласить, как вначале упоминалось, что «индоевропейская проблема» решена (с. 458). Это стало возможным, в том числе, в результате открытия и публикации но-

вых памятников за последние двадцать лет. В той же степени важным является датировка одомашнивания лошади и ее использования для верховой езды, причем — как ранее упоминалось — предлагаемые автором доказательства не бесспорны. То, что он, в отличие от многих других «западных» исследователей, пытается встать на защиту миграций как объясняющей модели для культурных изменений в преистории, может рассматриваться как несомненная заслуга. Уже ранее Энтони при помощи дискурса в социальные науки развил модели, чтобы разработать структуры миграций, которые также обнаруживаются в археологических материалах. Несмотря на то, что здесь имеется и будет иметься поле для дальнейших дискуссий, тем не менее, в отличие от многих других построений, во взглядах, выраженных в рецензируемой книге, просматривается определенная концепция, которая основывается на солидной базе.

Действительно, Д. Энтони предоставляет большой шанс, особенно для читателей, не владеющих русским языком, для которых данная книга, главным образом, предназначена. Автор хорошо ориентируется в литературе по евразийской археологии, проводил собственные исследования на Средней Волге, знает природную среду этих мест и имеет представление о трудностях при проведении полевых исследований в тех условиях. Его книга также основывается на широком и глубоком знании, прежде всего, российской литературы, даже если случайно в списке и отсутствуют более новые важные работы, на что уже указывалось.

Почти каждая глава книги заслуживала бы того, чтобы стать предметом детального рассмотрения, что трудно сделать в рамках одной рецензии. Выше была предпринята попытка, согласно содержанию монографии, дать обобщенный обзор основных выводов Д. Энтони, сопровождаемый критическими комментариями. Последние действительно, в первую очередь, в отношении его субъективных методов, которые с пылом были задействованы, чтобы привести археологические свидетельства в соответствие с языково-историческими исследованиями. При этом Д. Энтони не особенно затрудняет себя взвешенным сопоставлением знаний по древней истории и лингвистике, чтобы добиться некоего синтеза, поскольку для него уже перед написанием монографии является установленным, когда, где и кто говорил на индоевропейском языке.

Литература

- Гей А. 2000. *Новотитаровская культура*. Москва: Старый сад.
- Избицер Е. 1993. *Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III—II тыс. до н.э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Мерперт Н.Я. 1974. *Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья*. Москва: Наука.
- Санжаров С.Н. 2004. *Кайдацинский комплекс поселений рубежа средней-поздней бронзы в системе древностей Северского Донца*. Луганск: Изд-во СХУ им. В. Даля.
- Телегин Д.Я. 1985. Среднепалеолитическая культуры и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины. В: *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.
- Шишлина Н.И. 2007. *Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V—III тысячелетия до н.э.)*. Труды ГИМ 165.
- Anthony D.W. 1990. Migration in Archeology. The Baby and the Bathwater. *American Anthropologist* 92, 895—914.
- Benecke N. 2002. Zu den Anfängen der Pferdehaltung in Eurasien. Aktuelle archäozoologische Beiträge aus drei Regionen. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift* 2002, 187—226.
- Černych u. a. 1998: Černych E.N., Antipina E.E., Lebedeva E. Ju. 1998. Produktionsformen der Urgesellschaft in den Steppen Osteuropas (Ackerbau, Viehzucht, Erzwinnung und Verhüttung. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München; Rahden/Westf.: Leidorf, 233—252.
- Gerling u. a. 2010: Gerling C., Kaiser E., Schier W. 2010. Mobilität und Migration im nördlichen Schwarzmeergebiet. Neue Ansätze mittels isotopechemischer und paläogenetischer Untersuchungen. In: Meller H., Alt K.W. (Hrsg.). *Anthropologie, Isotopie und DNA — biografische Annäherung an namenlose vorgeschichtliche Skelette? 2*. Mitteldeutscher Archäologentag vom 08. bis 10. Oktober 2009 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 3. Halle, 87—94.
- Govedarica B. 2004. *Zepterträger — Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppe Raum Südost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.
- Lichardus J., Lichardus-Itten M. 1998. Nordpontische Gruppen und ihre westlichen Nachbarn. Ein Beitrag zur Entstehung der frühen Kupferzeit Alteuropas. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München; Rahden/Westf.: Leidorf, 99—122.
- Limberis N. Ju., Marčenko I.I. 2002. Ein Kurgan der Novotitarovskaja-Kultur bei Novoveličkovskaja, Kuban-Gebiet, Nordwestkaukasien. *Eurasia Antiqua* 8, 1—37.
- Mallory J. 1989. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. London: Thames & Hudson.
- Parzinger H. 1998. Der nordpontische Raum und das untere Donaugebiet in der späten Kupferzeit: das Ende des Kodžadermen-Gumelnița-Karanovo VI—Verbandes und die Cernavodă I-Kultur. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München; Rahden/Westf.: Leidorf, 123—134.
- Rassamakin Ju. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500—2300 BC. In: Levine M., Rassamakin Ju., Kislenko A., Tatarintseva N. *Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 59—182.
- Rassamakin Ju. Ja. 2004. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr.* Mainz: Zabern.

References

- Gej A. 2000. *Novotitarovskaya kul'tura*. Moskva: Staryj sad.
- Izbitser E. 1993. *Pogrebeniya s povozkami stepnoj poloso Vostochnoj Evropy i Severnogo Kavkaza III—II tys. do n.e.* Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.
- Merpert N. Ya. 1974. *Drevnejshie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya*. Moskva: Nauka.
- Sanzharov S.N. 2004. *Kajdashchinskij kompleks poselenij rubezha srednej-pozdnej bronzy v sisteme drevnostej Severskogo Dontsa*. Lugansk: Izd-vo SNU im. V. Dalja.
- Telegin D. Ya. 1985. *Srednestogovskaya kul'tury i pamyatniki novodanilovskogo tipa v Podneprov'e i stepnom Levoberezh'e Ukrainy*. V: *Arkheologiya Ukrainskoj SSR*. T. 1. Kiev: Naukova dumka, 305—320.
- Shishlina N.I. 2007. *Severo-Zapadnyj Prikaspij v epokhu bronzy (V—III tysyacheletiya do n.e.)*. Trudy GIM 165.
- Anthony D.W. 1990. Migration in Archeology. The Baby and the Bathwater. *American Anthropologist* 92, 895—914.
- Benecke N. 2002. Zu den Anfängen der Pferdehaltung in Eurasien. Aktuelle archäozoologische Beiträge aus drei Regionen. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift* 2002, 187—226.
- Černych u. a. 1998: Černych E.N., Antipina E.E., Lebedeva E. Ju. 1998. Produktionsformen der Urgesellschaft in den Steppen Osteuropas (Ackerbau, Viehzucht, Erzwinnung und Verhüttung. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München; Rahden/Westf.: Leidorf, 233—252.
- Gerling u. a. 2010: Gerling C., Kaiser E., Schier W. 2010. Mobilität und Migration im nördlichen Schwarzmeergebiet. Neue Ansätze mittels isotopechemischer und paläogenetischer Untersuchungen. In: Meller H., Alt K.W. (Hrsg.). *Anthropologie, Isotopie und DNA — biografische Annäherung an namenlose vorgeschichtliche Skelette? 2*. Mitteldeutscher Ar-

№2. 2012

- chäologentag vom 08. bis 10. Oktober 2009 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 3. Halle, 87—94.
- Govedarica B. 2004. *Zepterträger — Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.
- Lichardus J., Lichardus-Itten M. 1998. Nordpontische Gruppen und ihre westlichen Nachbarn. Ein Beitrag zur Entstehung der frühen Kupferzeit Alteuropas. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München; Rahden/Westf.: Leidorf, 99—122.
- Limberis N. Ju., Marčenko I. I. 2002. Ein Kurgan der Novotitarovskaja-Kultur bei Novoveličkovskaja, Kuban-Gebiet, Nordwestkaukasien. *Eurasia Antiqua* 8, 1—37.
- Mallory J. 1989. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. London: Thames & Hudson.
- Parzinger H. 1998. Der nordpontische Raum und das untere Donauebiet in der späten Kupferzeit: das Ende des Kodžadermen-Gumelnița-Karanovo VI—Verbandes und die Cernavodă I-Kultur. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München; Rahden/Westf.: Leidorf, 123—134.
- Rassamakin Yu. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500—2300 BC. In: Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A., Tatarintseva N. *Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 59—182.
- Rassamakin Ju. Ja. 2004. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr.* Mainz: Zabern.

Статья поступила в номер 23 января 2012 г.

Elke Kaiser (Berlin, Germany). Doctor. Institute for Prehistoric Archaeology, Free University of Berlin.

Elke Kaiser (Berlin, Germania). Doctor. Institutul de Arheologie preistorică, Universitatea liberă din Berlin.

Эльке Кайзер (Берлин, Германия). Доктор. Институт доисторической археологии, Свободный университет Берлина.

E-mail: elke.kaiser@topoi.org